

Люди и судьбы

Раиса Кучуганова

Ксения Фоминична

*О судьбе известной на Алтае
семьи Атамановых*

Стоит на фотографии женщина, окруженная детьми, на руках младенец. И возникает образ Матери-Богородицы с дитем на руках – Спасительницы, Защитницы. Извечная доля матери: появилось дитя – и уже она не принадлежит себе. Материнская ласка конца-края не знает. Все ее заботы, труд связаны с мыслью сохранить, вырастить, пустить в люди. Ведь известно: мать, отец не наставят – так добры люди научат.

На фотографии – русская женщина-крестьянка Ксения Фоминична Атаманова, 1895 года рождения. Нелегкая судьба досталась ей, но она достойно перенесла все испытания, выжила сама и сберегла детей.

Ксения Фоминична родилась в Уймонской долине, выросла в зажиточной семье, где кроме нее были отец, мать, две старшие сестры. Ксюше было всего 12 лет, когда умер отец, Бочкарев Фома Иванович. Старшие сестры вы-

Семья Василия Атаманова перед ссылкой

шли замуж, и остались они вдвоем с матерью, Фетиньей Лаврентьевной. Был у них двухэтажный дом, да и хозяйство немалое. Во Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года (Барнаульский краевой архив) отмечено: 12 лошадей, 14 коров и телят, 8 овец. С таким хозяйством надо «встать и голосок подать».

В летнее время почти не спали, только топленого масла купцу Печенину бочками продавали. В хозяйстве уже тогда были конные косилка и грабли. В страду работали вместе с родственниками и соседями, одним было не справиться.

Дом их стоял в Ок-Коле, а Ок-Кол, как и вся Уймонская долина, – это земной рай. Трудись, не ленись – и в доме будет достаток.

Красавицу и умницу Ксению приглядел уймонский парень Василий – сын того самого Вахромья Атаманова, у которого летом 1926 года во время алтайского маршрута Центрально-Азиатской экспедиции останавливался художник и ученый Николай Константинович Рерих. Великого художника и крестьянина Вахромья связала настоящая дружба и взаимоуважение, и это было неслучайно. Вахромей был незаурядной личностью, имел обширную библиотеку, и Николаю

Константиновичу доставляло удовольствие общаться с ним на самые разные темы – от хозяйственных и до сокровенно-духовных. Рерих так написал о нем: «Ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, а главное и заветное – знает травки и цветки, это уже неоспоримо. И не только он знает, где и как растут цветки, где затаились коренья, но он любит и любит ими. И до самой седой бороды, набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется ликом, он гладит их и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель, не темное ведовство, а опытное знание»¹. Кроме того, в его комнате была коллекция «примечательных камней, которые собирались им с того времени, когда два десятилетия назад, в 1905 г., стал, как лучший знаток самых потаенных алтайских троп, водить по горам и долинам Прикатуны разные экспедиции ученых людей, а также художников, интересующихся промыслами»².

С не меньшим уважением Рерихи относились и к сестре Вахромья Семеновича, Агафье Семеновне, Агашевне, – «письменная искусница», «травчатый живописец», так называл ее Николай

Василий Вахромеевич Атаманов и Зиновий Кузьмич Бочкарев

¹ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. Рига, 1992. С. 282–283.

² Ларичев В.Е. Н.К. Рерих и сотоварищи в Сибири. В сб.: Рерих и Сибирь. Новосибирск, 1993. С. 101.

Семья В.С. Атаманова. Фото сделано Рерихами во время алтайского мафирута Центрально-Азиатской экспедиции. Верхний Уймон, август 1926 г.

Константинович. Она писала письма за всю деревню, реставрировала старые книги, расписывала избы во всех окрестных селах. «На дверях и на скрынях наведет всякие травяные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого леву-хранителя»³. Уезжая, Н.К. Рерих звал с собой Вахромей – помочь в экспедиции и посмотреть дальние страны, – но тот не решился оставить детей и внуков, большое и преуспевающее хозяйство...

Жизнь шла своим чередом: в семье Василия и Ксении Атамановых народились дети – хлопот прибавилось. В 1921–1927 годах крестьяне в долине жили вольно: держали много скота, птицы, возделывали поля. Василий Атаманов хозяином был умным, расчетливым, выписывал и читал газеты. Он поверил властям, что каждый человек может самостоятельно вести свое хозяйство. Старики рассказывают, что в Уймонской долине было много зажиточных крестьян. В каждом логу были заимки, маральники, в отдельных хозяйствах только пчел до сотни колод доходило.

И Вахромей, и его сыновья были заботливыми хозяевами. Умели и любили ухаживать за скотом и за пчелами. А у Вахромей – так у того еще и кро-

лики водились: белые, серые, черные – они были рассажены по отдельным клеткам. Плодовитое животное тоже приносило немалый доход. Вахромей Семенович зверьками наделил и сыновей, вдоль всей тесовой ограды стояли клетки с кроликами. Семья Атамановых была большой и зажиточной. Трудились все от мала до велика – и нужды ни в чем не знали. Главой семьи был Вахромей Семенович. Знали и уважали его все. Лечил он и людей и животных, ни одни трудные роды не обходились без его помощи.

В те годы в Уймонскую долину приезжало много купцов из Монголии, Китая. Очень ценились рога маралов, за них можно было получить большие деньги. Взвесил все Василий Вахромеевич и оставил только три коровы, остальной скот продал и купил маралов. Забота хозяев приносила плоды, и только рогачей на маральниках до сорока штук доходило.

Трудились в семье взрослые, приучали к труду детей. Добрый пример – лучше ста слов. В семье одни за одним появились дети: их уже было пять. Мария Васильевна Атаманова, 1925 года рождения, она была в семье третьим ребенком, вспо-

³ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. С. 283.

И.Р. Рудзите. Агафья Семеновна Атаманова (Агашевна)

минает: «Взрослые стирали белье в больших корытах, а нам делали маленькие корытца». Дети трудились вместе со взрослыми. Никто в семье не курил, плохого слова в устах не держали никогда. Мир в семье женой держится, и Ксения Фоминична вместе с бабьонькой Фетиньей Лаврентьевной держали дом, хозяйство в чистоте, уюте. Много помогали по хозяйству старшие дети. Подрос сын Иосиф, родители доверяли ему следить за хозяйством на скотном дворе. Он относился к делу с большой ответственностью, внимательно следил, чтобы скотина была сытой, жила в чистоте и тепле. Старшенькая дочь Мотя уже умела прясть, ткала пояса, вышивала, вязала. Отец поку-

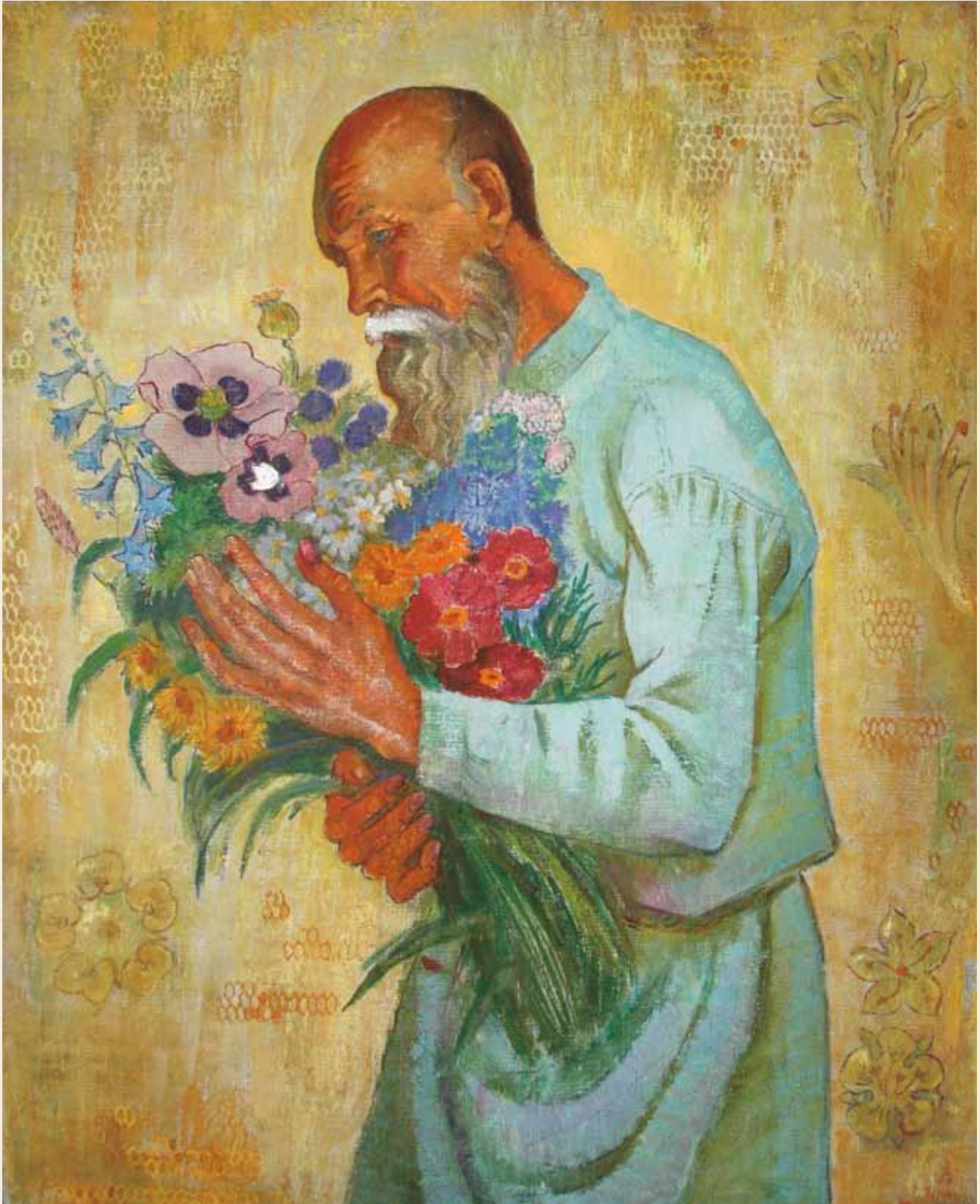
пал детям книжки с красочными иллюстрациями. В доме были карандаши, краски, бумага для письма и рисования. Дети начинали писать буквы.

Часто семья ездил в гости к деду Вахромею в Уймон. Родители завертывали детей в дохи из маральных или козьих шкур, садили в кошевку, обшитую яркими гобеленами. Внутри кошевка была обтянута мехом, там же устроены красивые скамеечки. Дед Вахромей с радостью встречал внучат, вел их на второй этаж дома, где у него были припасены для них гостинцы: пряники, игрушки, самоделки-птички, зайчики.

Н.К. Рерих видел мирную жизнь уймонских крестьян. И разве мог он предположить, какая

судьба ожидает этих людей?! На их глазах будут рушить то, что создавали веками их деды и прадеды. Началось раскулачивание. Власти решили все семьи обезглавить, расправиться с мужиками, ведь они не будут добровольно отдавать свое имущество, нажитое честным трудом. Начались аресты и расстрелы.

Опять мужики подались в горы, в ущелья. Ушел вместе со всеми и Василий Атаманов, а пьяные, потерявшие совесть активисты не обошли его семью: собрали все из дома, амбаров, погребов. Вытащили в центр огады сундуки, столы, шубы, дохи, одежду, кадочки, кошечки, телеги, сани, жнейку, косилку, плуги, бороны. Выгреб-

И.Р. Рудзите. Вахромей Семенович Атаманов

Трифон Вахромеевич Атаманов с женой. 1929–1930

ли из амбаров зерно, крупу, повытаскивали соленья из погребов. Забрали маралов, весь скот, гусей, кур. Этот год был урожайный на орехи, стояли они и в мешках и в кадочках. Старший сын Иосиф всю осень вместе с отцом и матерью орешничал. Десятилетний мальчик хватал мешки и кричал: «Это мои орехи, не троньте, я по кедрам лазил. Это мы с тятей и мамой наорешничали».

Совесть к коже не пришьешь, собрали все и из дома выселили. Переехала Ксения Фоминична с детьми к деданьке Вахромею в Уймон. Ребятишки тосковали по своему дому в Ок-Коле, просили мать, чтобы она свозила их хоть посмотреть. Вспоминает Мария Васильевна: «Приехали мы туда. Рядом с домом стояла пятистенка. Зашли в нее и попятились назад. На полу солома, ягнята, щепки, грязь. Больше не было желания ехать в Ок-Кол».

В горнице на двери была красивая скоба. Досталась она Ксении Фоминичне от деда Гаврила. По рассказам, скоба была подарена императрицей Екатериной Второй после ее указа в 1792 году о прекращении гонений на староверов-каменщиков. В память об этом событии им дарили кому что: тазы медные, чугуны, самовары медные, плиты на шесток. В глазах у Ксении Фоминичны стояла эта скоба. Купила она красивую шаль и обменяла на нее скобу. От всего большого дома, от порушенного крепкого хозяйства – только скоба и осталась.

В конце 1929 года братья Вахромеевичи – Василий, Прокопий, Трифон – вместе с другими мужиками спустились с гор в долину. Власти пообещали: езжайте, мол, домой, будете жить спокойно, заниматься хозяйством. Истосковался по мирной жизни народ, поверили. Обманули власти мужиков и расстреляли.

Муж Ксении Фоминичны сбежал в Китай.

В начале 1930 года власти приказали Вахромею Семеновичу освободить дом,

и он оказался вместе с семьями сыновей на улице. Приютили добрые люди в Бузулаевой, там все и жили. Вахромей Семенович понимал, что власти не останутся, и все, что осталось от его хозяйства, раздавал сиротам. Скоро его увезли. Не расстреляли только потому, что он когда-то лечил большого начальника ГПУ из Улалы – не за был тот старое добро и спас Вахромея Семеновича от верной смерти.

Ранней весной 1931 года Ксении Фоминичне приказали освободить дом в Бузулаевой, в доме поселились коммунары. Пришлось переехать в избушечку в Уймон. Опять пожалели их, приютили ее семью добрые люди. Жили и готовились к ссылке: сушили сухари, мясо, готовили одежду и обувь.

Объявили о ссылке. Было специальное предписание, что можно было взять с собой: указы-

валось все поштучно. С собой разрешалось взять только то, что можешь унести.

Дочери Ксении Фоминичны, Марии Васильевне, в то время было всего пять лет. Удивительно, но она до мельчайших подробностей помнит все – имена, даты, географические названия: «Большая деревенская улица, и лошади, лошади, лошади... Толпы людей, плач, рев, гул, причитания. Повезли на телегах к парому. Возле матери сидело пять детей, грудная шестимесячная Меечка на руках, самому старшему 11 лет».

До Бийска ехали на телегах. Во многих деревнях люди выходили на улицу и тихонько переговаривались между собой: «Лишенцев везут». Их отталкивали солдаты с ружьями, ругали, а они прямо на телегу вываливали гречневые блины, жареных курочек, хлеб, картошку и плакали, осеня несчастных людей крестным знаменем.

От Бийска в Нарым повезли их сначала в скотских вагонах, а потом пересадили на баржи. Баржи плыли совсем близко от берега, а по берегам, в тайге, работало множество заключенных. Они бежали за баржами, выкрикивая имена отцов, матерей, жен, детей. Однажды женщина на барже закричала: «Мой Степа жив, жив Степа» – и упала без памяти, а Степа все бежал по берегу за баржей и спрашивал про детей, мать, отца.

Высадили всех недалеко от Белого Яра. Кругом болота, гнус. Спасались только тем, что жгли гнилушки. Привезли всех в тайгу на голое место. Сначала люди строили шалаши, потом рыли землянки. Сырость и холод доставали до костей. Давали по 100–200 граммов муки на ребенка и по 300 граммов на взрослого. Если бы Иосиф не приносил карасей и бруснику, то умерли бы все.

В июне 1931 года собрали и повезли в Нарым тех, кто помоложе, а в августе отправили туда и уймонских стариков. Дошла до Ксении Фоминичны весточка, что везут в Нарым ее маму Фетинью Лаврентьевну, было ей в эту пору восемьдесят лет. Вся семья Атамановых с нетерпением ждала дорогую бабоньку. И вот как-то появились телеги со стариками, рядом конвоиры, но не было вместе с ними Фетиньи Лаврентьевны: не вынесла дороги, и похоронили ее по всем христианским правилам на каком-то остро-

ве. Отпел ее односельчанин, наставник Наум Иванович, а название острова записали на псалтыре. Сделали ей и гроб и крестик.

Мария Васильевна вспоминает: «Горько плакала мама по бабоньке Фетинье, а старики, успокаивая ее, говорили: “Сильно не плачь. Твоей маме, Ксения Фоминична, судьба уготовила имя странницы. Святое писание гласит, что одинокие похороны на острове – священные, а умершие – святые”».

Вслед за бабонькой Фетиньей умерла маленькая сестричка Меечка. Следом умер и деданька Вахромей Семенович, ему было только 62 года. Жил он вместе с внучатами и невестками. Как мог помогал и поддерживал их! Он умер не от голода, у нас еще сухарики плесневелые были. Он умер от горя за нас».

Когда раскулачивали Вахромей Семеновича, растрясли все его хозяйство. Взяли в колхоз и кроликов. Но вот незадача: не умели ухаживать за ними колхозники, стали онидохнуть. Спешно захлопотали новые хозяева, чтобы освободили Вахромей и отпустили его домой. И ведь выхлопотали: пришла бумага в Нарым – предписывалось ему вернуться в Уймон. Да только зря старались. Вахромей Семенович уже месяц лежал в холодной нарымской земле. Следом похоронили невестку Вахромей Семеновича – Марьяну Карпеевну, жену Прокопия Вахромеевича, и их дочку Ксению Прокопьевну.

Самым тяжелым временем ссылки были зима 1931–1932 годов и весна и лето 1932 года. Один за одним умирали люди, детей-сирот отвозили в Колпашево, в детский дом. Больше всего Ксения Фоминична боялась потерять детей. Крохот-

Усадьба В.С. Атаманова в Верхнем Уймоне. Здесь жили Рефики во время алтайского маршрута Центрально-Азиатской экспедиции. Август 1926 г.

Ксения Фоминична Атаманова

ный паек она делила на части: на завтрак, обед и ужин. В этом была ее крестьянская мудрость, она сохранила жизнь всем детям, кроме Меечки. Дети боялись остаться без матери, отщипывали от своего пайка кусочек хлеба и заставляли ее съесть эту крошку: «Ешь, мама, ешь, только не умирай». Позднее Ксения Фоминична вспоминала со слезами: «Вы все спасли мне жизнь».

Мало того, что непосильная работа, холод, голод, так еще и оспа привязалась. Заболели две младшие девочки, Маша и Фрося. Трудно передать словами, что пришлось вынести этим крохам, и если бы не их мать – не вернуться бы им домой никогда. Она не отходила от них ни день, ни ночь. Сделала в землянке нары, почти под потолок, держала их в тепле, поила неведомо где взятой медовой водичкой. Она не только спасла им жизнь, но на их лицах не было и следов от оспы. А сколько в соседних землянках умерло людей, некоторые остались слепыми навек.

Пришла весна 1932 года, зазеленели лужайки, пригревало солнышко, стали петь птички, а дети оставались безучастными ко всему, животики

были большие, а руки, ноги тонкие как спички. Дети больше лежали и даже разговаривали шепотом. Ксения Фоминична давала им подсоленную водичку, чтобы чуть-чуть утолить жажду и голод.

Многие этой весной бежали из Нарыма на родину с малыми детьми. Редко кто доходил до места: тонули в топях, болотах, гибли от диких зверей, гнуса и мошки.

Ксения Фоминична ходила на работу. Работа трудная, а паек – 300 граммов муки. Едва живая приходила она домой, была похожа на старушку, а было ей в ту пору всего 37 лет.

В 1933–1934 годах стало жить полегче: обжились, завели огороды, ребятишкам в школе какие-никакие обеды давали. Недалеко от речки Гнилушки посадили огород. Чуть подросла картошка, стали появляться маленькие клубеньки. Ксения Фоминична и сама поправилась, помолодела немного и ребятишек подкармливала.

Но власти не унимались. В 1935 году решили переселить ссыльных на новое место, еще дальше в болота. Сначала везли людей на барже, а потом отправили пешком по дороге-временке через болота. Скорее это была не дорога, а качающийся мост. Дорогу застлали прутьями, они поднимались под но-

гами, люди и скот проваливались в болото, их вытаскивали, и все шли дальше.

Пришли на новое место и увидели, что оно обжитое. Много полянок, есть у людей огороды, а кругом тайга и болота. Местные жители боялись вновь прибывших ссыльных – бездомных, голодных. Они день и ночь караулили свои огороды, ночью жгли большие костры.

На новом месте жили сначала в шалашах, потом в бараках по две-три семьи. Ксения Фоминична поглядывала на детей, и сердце сжималось от мысли – не пережить им зиму: ни огорода, ни еды, один только крохотный паек. На новом месте была только начальная школа, и сын Иосиф уехал учиться в 7-й класс в Инкино. Было решено, что он при первом удобном случае уедет на родину.

Ксения Фоминична решила бежать: подлатала старенькую одежду, отремонтировала обувь. Рядом с поселком была небольшая, тихая, но глубокая речка. Осенью шли дожди, и река прибывала. Однажды, дождавшись сумерек, с великим трудом она перенесла детей и котомки с вещами через реку. На противоположном берегу были

сплошные заросли кустарника. Ночевали в чаще, а вечером, в потемках, подошли к мосту. Увидели милиционеров с ружьями. Мать прижимала к себе детей, уговаривала их: «Не бойтесь, не бойтесь... Не будут они в нас стрелять, а если выстрелят – то вверх». И вдруг один из них выстрелил. Второй, видно, был старшим, строго ему выговаривал: «У тебя глаза-то есть? Что ты стреляешь? Не видишь – дети?» А на следующий день добрые люди показали им дорогу к другому переходу. Далеко от моста, в буреломах, лежали сваленные кедры, они соединяли берега реки, а от них шла тропинка в глухую тайгу. С большим трудом Ксения Фоминична вывела детей на пристань в Инкино.

Подошел красавец пароход, он был, словно город, весь в огнях. Зашли на палубу и увидели празднично одетых людей, рядом с ними нарядные и веселые дети. Взрослые покупают им пряники, фрукты, книги, игрушки. Для детей Ксении Фоминичны это была сказка, они понимали, что такая жизнь не для них. В глазах у детей было недоумение: почему они должны были прятаться, спать в лесу и разговаривать только шепотом?

На роскошном теплоходе семья доплыла до Новосибирска, на поезде доехали до Бийска. Денег у Ксении Фоминичны было мало, она ехала с билетом, а дети – под сиденьями. От Бийска пошли пешком. По дороге увидели юрту, решили зайти погреться. Хозяйка усадила всех у костра, дала по куску хлеба и простокваши. Женщина-алтайка смотрела на детей, и слезы текли из ее глаз не переставая. Мария Васильевна говорит, что она до конца своих дней будет помнить вкус этой простокваши.

Зимой, в лютую стужу, семья добиралась до дома. Кое-как добрались до Черного Ануя. Зашли в один из домов погреться, но остались там на месяц. Семья была большая, дружная, но гости не оказались лишними. Хозяин был партизан, коммунар, но не побежал докладывать, кто у него живет и откуда пришли. Ксения Фоминична не сидела в гостях сложа руки. Она обшивала всю семью хозяев, у них было пять детей. Шила соседям, старалась как могла отблагодарить людей.

День и ночь думала Ксения Фоминична о сыне: «Где он? Живой ли?» Написала письмо в Уймон, сообщила, где находится. И вдруг приходит письмо от Иосифа. Жив, здоров. Радости матери не было предела.

*Иосиф Васильевич Атаманов, внук
Вахромья Семеновича. 1941*

Позже случайно встретили родственника из Уймона, с ним и домой добрались. Приехали в родную деревню крадучись, а ранним утром, чтобы никто не видел, уехали к сестре в соседнее село. Сестру тоже раскулачили, только что не сослали. Дом забрали, и жила она с семьей в восемь человек в крохотной избушке.

Мыкалась семья по чужим углам до 1938 года. А потом сумели купить за 230 рублей избушку. Вся семья собралась вместе.

Покою на сердце у Ксении Фоминичны по-прежнему не было. «Черный ворон» одного за другим увозил из Уймонской долины людей, обратно они не возвращались. Как-то воскресным днем молодежь играла на берегу Катуня. Запыхавшаяся, испуганная Ксения Фоминична нашла ребятшек, шепотом выговорила: «Не уходите далеко, будьте вместе, меня могут забрать, сейчас только Макара Ивановича увезли». И ночь и день ждали беды. Сколько страха натерпелись. Как-то глубокой ночью стук в дверь. Стучали настойчиво. Ксения Фоминична разбудила ребятшек: «Дети, вставайте! За мной пришли». А сама уже схвати-

Мария Васильевна, внучка Вахромья Атаманова, со своими внучками

лась за узелок, заранее приготовленный. Открыли – соседка. Оказывается, пришла просить помощи: корова не могла растелиться.

Сыну Иосифу пришло время служить в армии, но ему отказали как сыну врага народа. Он настаивал, писал заявления в военкомат, наконец в 1940

году его призвали в армию и отправили служить на Дальний Восток. Сын с радостью в одном из писем сообщил матери и сестрам, что он попал на курсы младших командиров. Прислал фотокарточку. Когда началась война, его отправили в штрафную роту как сына врага народа. Много он пережил унижений, оскорблений. Но не сломали они дух внука Вахромья Атаманова, не склонил он головы ни в Нарымских болотах, ни в борьбе с фашистами.

«Мама, я не боюсь опасности, и потому у меня больше шансов выжить. Помню пословицу: кто напуган, тот наполовину убит. Обо мне не беспокойтесь, я не полезу куда не нужно», – писал Иосиф 4 августа 1943 года в Верх-Уймон. «Живу неплохо, нахожусь от немцев в 500–800 метрах. Скуку разгоняет треск автоматов и пулеметов. Воевать не страшно, страшно только попасть в плен, и то такое было в начале войны, а теперь им русского солдата не взять».

Это письмо оказалось последним. Иосиф погиб на Курской дуге в августе 1943 года. Ему было 20 лет.

Дочери учились в школе и радовали мать своими успехами. 1944 год. Девочки, Мотя и Маша, закончили 10-й класс. А в районе не хватало учителей. Руководители решили собрать лучших учеников и послать их на месячные курсы учителей начальных классов. Среди них были Мария и Матрена Атамановы. После курсов девушки работали в Мультинской школе. Сколько радости было у Ксении Фоминичны! Первые заработанные деньги, паек 500 граммов. Радость была недолгой. В январе 1945 года собрали учителей в Усть-Коксу на конференцию. На трибуне – первый секретарь райкома Липетов: «Как мог-

*Восстановленный дом Атамановых. Сейчас в нем располагается
Мемориальный музей Николая Рериха*

ли пробраться в учительские ряды дети врага народа. Кулацкие дети, бандиты не могут быть в рядах советского учительства». Он назвал фамилию Атамановых, и скамейка, которая до этих слов была полностью занята, стремительно опустела. На ней остались сидеть только Маша и Мотя.

Семья Атамановых выдержала и это. Девушки успешно сдали экзамены в Бийский учительский институт, закончили его. Позднее Мария Василь-

евна закончила Гомельский педагогический институт и всю свою жизнь посвятила школе и детям.

Ксения Фоминична умерла в 1955 году. Ей было только 60 лет. До конца своих дней она оставалась мудрой, рассудительной, трудолюбивой и скромной. Она не озлобилась на людей, но так и не могла найти ответа – за что ей, ее детям и многим, многим добрым людям, труженикам выпали на долю такие испытания.

Александр Бенуа ди Стетто. Автопортрет. 1943

Возвращение

Русский швейцарец из династии Бенуа

Неизвестный ранее в России представитель славного семейства Бенуа, Александр Зигфрид Бурхард Леви-Бенуа ди Стетто, художник со сложным именем и судьбой, возвращается на историческую родину после века забвения, вернее незнания, и через тридцать лет после своей физической смерти. Не только о творчестве, но и о самом факте существования прожившего в Европе в XX веке полноценную творческую жизнь Александра Зигфридовича на родине не ведали. После смерти художника и его жены, датской виолончелистки Камы Зингер, наследие русского швейцарца долго оставалось невостребованным, опечатанным в доме супругов. Но, следуя гениальной логике другой талантливой скитальцы, Марины Цветаевой, покинувшей родину, как Бенуа и многие, многие другие, в начале 1920 года, всему истинно ценному – стихам, произведениям искусства, – «как драгоценным винам, приходит свой черед».

Первая в Москве выставка произведений Александра Бенуа ди Стетто открылась в Толмачах, в новом выставочном зале Государственной Третьяковской галереи, в ноябре 2007 года. Практически не проявленное при жизни в его творчестве желание вернуться на родину оказалось таким сильным, что пережило художника и возвратило дело всей его жизни – произведения искусства – туда, где прошли его детство и юность. Портреты, натюрморты, пейзажи, акварели, графические работы русского швейцарца теперь живут в России.

Письменных или устных свидетельств о том, насколько мучительно он переживал утрату родины, невозможность реализоваться дома, не сохранилось. Художник разговаривает с миром на своем языке. В личном архиве наследники обнаружили бережно сохраненные его женой аккуратные вырезки из местных швейцарских газет о гастролях театральных трупп, певцов, музыкантов из России. Александр Бенуа ди Стетто не высказывал открыто тоску по родине. Разве что по затаившим печаль глазам раненого ребенка на сохранившихся фотографиях можно догадаться об одиночестве, которое, несмотря на внешний социальный успех, разъедало его душу. Лишь раз

во время Второй мировой войны Бенуа ди Стетто разрешил себе русскую тему в живописи, написав нехарактерные для него работы «Русский натюрморт», «Красный конек» и «Натюрморт с портретом Александра». Прекрасный колорист, Бенуа ди Стетто не только подбором предметов в стиле «à la russe», работой с миром вещей, связанных с родиной, но и цветом брусники, золотистым светом выписал на полотнах свою любовь к Дому.

Важным подспорьем на чужбине для Александра Зигфридовича, безусловно, являлась принадлежность к мощному роду Бенуа. По подложным документам попав через Финляндию в Швейцарию, художник первым делом подал местным властям ходатайство о разрешении носить фамилию своих предков по материнской линии. Возможно, мысль о себе как представителе большой дружной семьи, основатель которой, придворный метрдотель Леонтий (Луи Жюль) Бенуа, тоже связал свою жизнь с другой страной, поддерживала Александра ди Стетто. К тому же именно этот род подарил молодому человеку талант живописца. По словам другого, не обделенного у себя на родине славой, члена богатой на таланты семьи Бенуа, Зинаиды Евгеньевны Серебряковой, дети в их семье рождались «с карандашом в руке».

Александр Зигфрид Бурхард Леви (по матери Бенуа) появился на свет в Санкт-Петербурге в 1896 году. Дар художника передан ему также и от отца – архитектора Зигфрида Яковлевича Леви. Убедиться в этом можно, увидев сохранившиеся в Петербурге совместные архитектурные работы З.Я. Леви и другого знаменитого Бенуа – Леонтия Николаевича. Речь идет о здании правления страхового общества «Россия», аптеке А.В. Пеля, типографии Г.А. Глича.

Закончив в Петербурге лютеранскую школу Катериншуле, Александр Леви поступил в школу Общества поощрения художеств, которой в те годы руководил Николай Константинович Рерих. Преподавателями в этом учебном заведении были такие замечательные художники, как гравер В.В. Матэ, график И.Я. Билибин, друг Н.К. Рериха художник-куинджист А.А. Рылов, художественный критик С.К. Маковский. Судьба явно благо-

А. Бенуа ди Стетто. Леопард, приготовившийся к прыжку. 1927

волила к молодому художнику. Николай Константинович Рерих вел в школе Общества поощрения художеств класс композиции. Он придумывал сюжеты исторических и бытовых картин, четко устанавливал их формат, придавая большое значение способности мыслить пластически. Определял и технику, в которой должно быть выполнено задание. Именно под началом Рериха Александр Зигфридович постигал секреты масляной живописи, акварели, пастели, сангины. К сожалению, первые работы молодого художника не сохранились¹.

Николай Константинович прививал своим ученикам любовь к путешествиям и новым впечатлениям, присущую ему самому. Школа устраивала для молодых художников экскурсии в старинные русские города, сопровождая их специальными лекционными курсами по истории древнерусской архитектуры, монументальной живописи. Александру Бенуа ди Стетто не суждено было на своих полотнах продолжить эту явно интересовавшую его тему. Хотя архитектура, в том числе и древняя, занимала большое место в его творчестве: путешествуя, он создал множество архитектурных зарисовок старых европейских городов. Теперь эти работы не только представляют художественную ценность, но и являются уникальными историческими документами. Свои натюрморты и работы позднего периода художник выстраивал как архитектор, много экспериментировал с формой и объ-

емами, тщательно продумывал пространство своих картин. Жителям давней ему приют Швейцарии художник оставил в дар многочисленные виды швейцарских деревушек, Женевского озера, старой Женевы, Берна, заснеженных гор. Путешествуя по Европе, русский швейцарец старался не просто переложить на бумагу свои впечатления, но и, следуя советам своих учителей, найти необычный, еще не обнаруженный никем ракурс известных памятников старины, выявить скрытое от невнимательного глаза. Примером тому является множество его работ, в том числе запечатленный художником вид на церковь Сен-Жермен в Париже.

Не исключено, что из-за событий 1917 года Россия потеряла в лице Александра ди Стетто

талантливого архитектора. В 1918 году он поступил в реорганизованную к тому времени в Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские Академию художеств. Здесь молодой человек начал обучение в мастерской у своего родственника опытного педагога и архитектора Леонтия Николаевича Бенуа. Первым архитектурным проектом Александра Леви-Бенуа стал удивительный «дом на вращающемся фундаменте», который при помощи четырех автомобильных моторов следовал за движением солнца. Правда, с надеждой осуществить необычный проект пришлось в 1919 году расстаться. Дом удалось достроить лишь на треть. Средств не только на продолжение строительства, но и на жизнь не было. Любопытно, что невероятный для тех лет замысел был все-таки осуществлен в 1960-е годы совсем другими архитекторами.

Свои нереализованные архитектурные идеи Александр ди Стетто в 1927 году попытается воплотить уже в качестве театрального художника в Берлине. Вместе со своей женой Камой он разработал проект вращающейся сцены с двумя цилиндрами, которые должны были нести шестьдесят три сценические картины. Увы, и этому проекту, как и вращающемуся дому, не суждено было быть реализованным его автором. Изобретение, раскрывавшее большие художественно-сценические возможности для театра, было похищено,

¹ Савицкая О.С., Мудров Ю.В. Каталог к выставке «Александр Бенуа ди Стетто. Натюрморт. Живопись». СПб., 2006. С. 14.

и спустя два года Александр и Кама Бенуа ди Стетто обнаружили следы своего уже воплощенного в жизнь замысла в Париже, в театре Фоли-Бержер.

Но работа Александра ди Стетто в качестве театрального художника не осталась незамеченной. В том же 1927 году русский швейцарец был удостоен Гран-при в области искусств города Берлина за декорации к опере В. А. Моцарта «Похищение в серале». Ему удалось найти совершенно новый по тем временам подход к решению художественной задачи, проявить новые формы и цвета. В Берлине, Париже, Мюнхене Александр ди Стетто активно сотрудничал с известным режиссером и актером Максом Рейнхардом, еврейской группой «Хабима». Он обращался и к промышленному дизайну, выполнял многочисленные монументально-декоративные росписи общественных зданий, создавал эскизы-картоны для ковров, наброски кузовов и внутренней отделки салонов люкс-автомобилей.

В 1929 году художник приехал в самый русский город Швейцарии – Женеву, где жил вплоть до своей смерти в 1979 году. Наследие его насчитывает десятки натюрмортов, пейзажей, но наиболее значимый след в искусстве он оставил как портретист. С первых лет эмиграции портреты принесли Александру Бенуа ди Стетто публичное признание и стали для него верным способом заработка. Первый значительный официальный заказ при поддержке секции Русско-швейцарского союза поступил художнику от бундес-президента Швейцарской конфедерации Джузеппе Мотта. Этот портрет положил начало экспозиционной деятельности Александра ди Стетто. Полотно с разрешения владельцев демонстрировали на бернской городской выставке. После этого художник стал получать заказы, участвовать в городских вернисажах.

Но, конечно, не все портреты он писал на заказ. Особая страница в творчестве Александра ди Стетто – живописные полотна, на которых изображена его жена Кама. В Россию вернулись лирические, полные любви, понимания и благодарности работы художника –

«Портрет Камы в белой горжетке», «Портрет Камы с кошкой», «Кама за рукоделием на фоне атрибутов искусства». Подававшая надежды датская виолончелистка Кама Зингер оставила свою музыкальную карьеру ради творчества мужа, стала его Музой, верной спутницей жизни. Они прожили вместе больше пятидесяти лет, деля горести и радости. В трудный для семьи момент Кама рассталась со своей драгоценной скрипкой Гварнери. Художник не забыл о поступке жены. В работах более позднего периода он возвращается памятью к семейной реликвии, вводит тему скрипки как часть предметного мира, окружающего его. Портреты

А. Бенуа ди Стетто. Швейцарская фантазия. 1945

и автопортреты художника интересны игрой, экспериментами со светом и тенью, проработкой предметной среды, постоянным поиском ракурса, фона, идеи. Их отличают тонкие нюансы настроения, психологизм. Интересны его попытки сплавить жанр натюрморта и портрета. Александр ди Стетто оставил после себя и множество автопортретов: «Автопортрет на фоне атрибутов искусств», «Двойной автопортрет», «Автопортрет. 30-е»...

Заслуживают внимания многочисленные анималистические зарисовки, в основном выполненные «французским красным мелом», сангиной. Они отражают яркий дар рисовальщика: Александр Бенуа ди Стетто умеет твердой и лаконичной линией метко передать пластическое своеобразие и характер животного. Безупречные силуэты, тончайшие градации светотени напоминают о «штудиях» старых мастеров. Любовь к изображению мира животных прививал своим ученикам один из преподавателей школы Общества поощрения художеств анималист Аркадий Александрович Рылов. Помимо освоенных традиционных для классического анимализма приемов Александр Бенуа ди Стетто всегда старался передать через свои многочисленные графические листы что-то еще, а именно – состояние, настроение; взгляд его животных чаще всего полон человеческой печали.

В последние годы жизни художник постепенно уходит от натурализма, экспериментирует

в области беспредметного искусства. Устремленные ввысь «Структуры» и живописные композиции Александра ди Стетто построены на гармонических сочетаниях цвета, формы, линии и ритма. Сам он называл их «декоративными объектами, которые человек рассматривает с радостью». Кроме явной устремленности в небо, в космос, попытки проявить на холсте город мечты, город будущего, в этих работах можно увидеть воплощенную мечту художника, выработанную в процессе творчества способность видеть незримое.

Открывая Московскую выставку произведений Бенуа ди Стетто, заместитель директора Третьяковской галереи Лидия Ивановна Иовлева сказала, что впервые о Бенуа ди Стетто она прочитала несколько лет назад в журнале «Русское искусство»², но то, что она увидела на этой выставке воочию, ее чрезвычайно порадовало: «Я обнаружила настоящего художника большой честности, искренности, очень душевного, достойного представителя знатного художественного рода».

Произведения Александра Бенуа ди Стетто пока не представлены ни в одном музее России, они находятся в частных коллекциях; зрители могли увидеть их лишь на выставках, прошедших в Санкт-Петербурге и в Москве. Есть надежда, что нынешние владельцы собрания картин передадут некоторые работы русского швейцарца в дар Третьяковской галерее.

² Тихонов А. Русские художники в Швейцарии: от Матвеева до Бенуа ди Стетто // Русское искусство. №2, 2005.

Заместитель директора Третьяковской галереи Лидия Ивановна Иовлева открывает выставку А. Бенуа ди Стетто

А. Бенуа ди Стетто. Портрет Камы в белой горжетке. 1945